

УДК 82-3  
ББК 83.3(2Рос)

**А.А. Зубанова,  
М.Ч. Ларионова**

**«РУСАЛОЧЬЯ» ТЕМА  
В РАССКАЗАХ  
А.П. ЧЕХОВА  
«НЕПРИЯТНОСТЬ»  
И «ПРИПАДОК»\***

Рассказы «Неприятность» и «Припадок» имеют социально-психологическую проблематику. Но, как это часто бывает в творчестве А.П. Чехова, она художественно реализована с привлечением языка народной культуры, связь с которой составляет основу его национальной самобытности. В этих реалистических рассказах важную роль играет фольклорный образ русалки и связанные с ним представления. Будучи в обоих случаях конструктивным, этот образ проявляется в разных формах и выполняет разные функции. В первом случае русалка создает ассоциативное поле равнодушия, губительности. А во втором – соблазна, грехопадения, соращения.

**Ключевые слова:** Чехов, народная культура, русалка, «Неприятность», «Припадок».

DOI 10.18522/1995-0640-2020-2-12-17

**Зубанова Анна Андреевна** – специалист по учебно-методической работе в отделе подготовки научных и научно-педагогических кадров управления научной политики и организации научных исследований, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»  
Тел.: +7-988-899-09-43  
E-mail: kuzenka97@list.ru

**Ларионова Марина Ченгаровна** – докт. филол. наук, заведующий лабораторией филологии, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»  
Тел. +7-903-439-86-71  
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

© Зубанова А.А.,  
Ларионова М.Ч., 2020.

Общим местом в филологической науке стало утверждение, что Чехов поднял общечеловеческие проблемы, отразил в своем творчестве все многообразие человеческой природы. Но что делает Чехова именно русским писателем? Думается, помимо изображения социально-исторических российских реалий, речь может идти об универсалиях русской культуры, нашедших воплощение в чеховском творчестве, о том, что составляет основу его национальной самобытности, – о его связях с многовековой традицией, с народной культурой. Народная культура – это пласт национальной культуры, существующий преимущественно в устной форме, отражающий традиционную картину мира, то есть представления о природе, устройстве мира и общества, «правильном» и «неправильном» поведении, отношениях человека с миром сверхъестественного и т.д., воплощенные в текстах разнотипной знаковой природы.

В центре повествования в рассказе А.П. Чехова «Неприятность» конфликт земского врача Григория Ивановича Овчинникова и пьяного фельдшера Михаила Захарыча, в результате которого люди и события начинают казаться молодому доктору пошлыми и глупыми. В рассказе «Припадок» поход студента-юриста Васильева в публичный дом становится переломным моментом в его мировосприятии.

В обоих, вполне реалистических, рассказах, на первый взгляд

---

\* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

никак не связанных с народной традицией, неожиданно возникает фольклорный персонаж – русалка. С первых строк рассказа «Неприятность» акушерка Надежда Осиповна получает это прозвище: *«Ага, русалка!» – подумал доктор, вспомнив, что в больнице акушерку дразнят русалкой»* (VII, с. 144)\*. Такое наименование притягивает за собой целый комплекс традиционных представлений о русалках. Русалки связаны с областью медицины, поскольку возникновение болезней в народном сознании воспринималось как результат воздействия нечистых сил. Уже в портретной характеристике Надежды Осиповны проявляются «русалочьи» черты: *«девица лет 27, с бледно-желтым лицом и с распущенными волосами»* (VII, с. 143–144). Длинные незаплетенные волосы – один из устойчивых признаков русалок в народной демонологии.

При описании акушерки автор особое внимание уделяет её походке: *«платье стянутое в подоле», «мелкошагающая»*. Шуршание платья и мелкие шажки ещё неоднократно будут упоминаться в рассказе, подкрепленные выражениями, создающими вокруг неё будто звук воды: *«звения посудой, весело щебетала»* (VII, с. 144). Стянутое в подоле, т. е. в ногах, платье отсылает к стереотипному образу русалки, сформированному литературной традицией и отличному от народного, а именно – к русалочьему хвосту. В фольклоре эти персонажи в основном антропоморфны и предстают перед людьми не только в облике молодой девушки, но даже в виде старой бабы, мальчика или ребёнка. Однако в книжном сознании больше известен опоэтизированный облик русалки – полудевушки-полурыбы, идущий еще от многочисленных русалок романтизма.

Можно предположить, что русалкой называли Надежду Осиповну только из-за её внешнего вида. Но Чехов приводит и другие значимые элементы «русалочьего» сюжета. Один из них – появление русалок в полдень [Виноградова, 1994], именно в этот час акушерка появляется на рабочем месте, как замечает доктор. Образу Надежды Осиповны сопутствует «русалочий» мотив – смех, который в рассказе объясняется ее жизнерадостностью: *«Она шуришала платьем, подергивала плечами в такт каждому своему шагу и покачивала головой так, как будто напевала мысленно что-то веселенькое», «весело щебетала»* (VII, с. 144). Но её эмоциональный настрой находится в диссонансе с состоянием врача, поэтому он настроен испортить настроение и ей: *«ему стало приятно от мысли, что он сейчас оборвет эту мелкошагающую, влюбленную в себя франтиху»* (VII, с. 144). Смех «русалки» раздражает доктора, поскольку не соответствует серьезности его переживаний и размышлений над несправедливым устройством не только земской медицины, но и всей жизни. Доктор даже думает: *«и акушерка, и сиделки, и даже больные нарочно стараются придать себе равнодушное и веселое выражение»* (VII, с. 148). Кульминацией «русалочьего» смеха становится эпизод, когда

---

\*В данном разделе во всех статьях произведения и письма А.П. Чехова приведены по Полному собранию сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1974–1983; ссылки даны в скобках с указанием номера тома и страницы; серия писем обозначена буквой П.). – Ред.

доктор приходит в суд: *«жизнерадостная акушерка» «от нетерпения переминалась с ноги на ногу и даже вспыхнула от удовольствия, когда увидела главного героя предстоящего процесса»* (VII, с. 151–152). Но так как ничего смешного в рассказе не происходит, то и смех ее приобретает демонический, провокационный характер, поскольку в народном представлении русалки смехом заманивают человека и ведут его к гибели.

Образ фельдшера Михаила Захарыча в рассказе создает вокруг себя ассоциативное поле мнимого доктора традиционной культуры [Ларионова, 2010]. Его методы противоречат медицинской этике: *«дисциплинирован плохо, знает мало и совсем не понимает того, что знает», «пускает им [пациентам] кровь, на операциях присутствует с неумытыми руками, ковыряет в ранах грязным зондом»* (VII, с. 144). А молодой врач Овчинников – уважаемый специалист, пытающийся изо всех сил бороться с пьянством фельдшера и его необразованностью. Такие персонажи, как русалка и мнимый доктор, создают в произведении образ inferнального «иного» мира, в который попадает интеллигентный врач. Это фольклорное «царство мёртвых» буквально засасывает героя, затягивает его в омут. «Русалка» Надежда Осиповна оказывается рядом в ключевых эпизодах рассказа, хотя прямого участия в событиях не принимает. Она не только появляется в пространстве больницы в связи с традиционными представлениями о болезнях, но и сама создаёт эту болезненную атмосферу вокруг героя. Доктор по-настоящему болен. И причиной недуга становится не конфликт с фельдшером, а «иной» мир, который с каждой секундой сильнее поглощает его.

В рассказе «Припадок» действие происходит в публичном доме, и, несмотря на то, что автор ни разу не называет героинь русалками, звучат строки из оперы А. С. Даргомыжского по пьесе А. С. Пушкина «Русалка», которые можно считать лейтмотивом произведения. Образ русалки у Чехова появляется в связи с темой свободной любви: *«Здесь некогда меня встречала свободного свободная любовь»* (VII, с. 200). Эта фраза в пьесе А. С. Пушкина звучит чуть иначе: *«Здесь некогда любовь меня встречала, Свободная, кипящая любовь»* [Пушкин, 1960, с. 410]. Пушкинская героиня предавалась свободной любви с князем и утопилась, когда тот её бросил, после чего превратилась в русалку. Перед нами классический сюжет превращения молодой девушки в мифологическую красавицу. Д.К. Зеленин именует их *«заложными покойницами»*, т. е. умершими неестественной смертью: *«русалки – девушки, утонувшие в озере или в реке от неудавшейся любви и с горя»* [Зеленин, 1995, с. 149]. Героини чеховского рассказа не кончали жизнь самоубийством, но при этом их нельзя назвать вполне живыми: *«матери и сестры оплакивают их, как мертвых, наука третирует их, как зло»* (VII, с. 199).

Студент Васильев, в сознании которого закрепился романтизированный образ падших женщин, униженных и оскорбленных, представляет их себе почти в русалочьем облике: *«с распущенными волосами и в белой ночной кофточке; она испугается света»* (VII, с. 202). В фольклоре русалка появляется «в том самом виде, в каком обычно хоронят

незамужних девушек-покойниц: в свадебном наряде, с распущенными волосами и с венком на голове» [Виноградова, 2001, с. 22–23]. Боязнь света – ещё одна отличительная черта русалок, связанная с местом их обитания. Ночью они покидают реки, озера и прочие водоемы и выходят на землю, чтобы качаться на ветвях деревьев, которые, по народному поверью, служат жилищем мертвецов [Максимов, 1989, с. 104]. То есть, как представители мира мертвых, эти мифологические персонажи преимущественно обитают в темных и прохладных местах. Именно поэтому в сознании чеховского героя таинственная незнакомка обязательно должна робко скрываться от падающего на неё света, а не вести себя так, как ведут обитательницы публичного дома.

В реальности облик падших женщин мало сопоставим с фольклорным или литературным. Внешний вид их вульгарен: *«в коротком голубом платье и с белым аксельбантом на груди», «платье с синими полосами», «лицо было густо и неумело накрашено, лоб прятался за волосами»* (VII, с. 204). Герой рассказа, побывав в нескольких таких заведениях, лишается всяких иллюзий: *«его уже не удивляли ни цвета платьев, ни длинные шлейфы, ни яркие банты, ни матросские костюмы, ни густая фиолетовая окраска щек»* (VII, с. 206).

«Русалочий» контекст рассказа поддерживают и другие мотивы. В народной традиции эти демонические создания редко живут в одиночестве и, как правило, встречаются человеку группками: *«на Зеленой неделе русалки бродят по жителям большими шайками»*, причем именно молодые русалки [Зеленин, 1995, с. 188]. Мотив смеха как проявление их демонизма и соблазнительной силы есть и в рассказе «Припадок». Обитательницы дома смеются завлекающее, без существенной причины: *«вдруг она чему-то захохотала», «опять захохотала»* (VII, с. 208).

Как и доктор из рассказа «Неприятность», Васильев оказывается под влиянием мира-перевертыша, где всё выглядит как дешевый маскарад. Ему чужда эта атмосфера, в отличие от друзей он чувствует отвращение к тому, что видит в домах терпимости: *«хоть бы люди были, а то дикари и животные», «его мучила мысль, что он, порядочный и любящий человек (таким он до сих пор считал себя), ненавидит этих женщин и ничего не чувствует к ним, кроме отвращения. Ему не было жаль ни этих женщин, ни музыкантов, ни лакеев»* (VII, с. 209). Постепенно неприятие «иного» мира сменяется жалостью. Помимо глупых улыбок, смеха, пошлости, герой начинает видеть в этих женщинах живых и, возможно, страдающих людей. Мысли об этих «русалках» становятся губительными для Васильева, доводят его почти до безумия или самоубийства.

Героев Чехова окружает «иной» мир, которому они противостоят. И если в рассказе «Неприятность» этот мир вторгается в привычную жизнь доктора, в его рабочие будни, то в «Припадке» Васильев сам заглядывает по ту сторону границы, становится гостем потустороннего царства. Объединяющий рассказы фольклорный образ русалки, будучи в обоих случаях конструктивным, проявляется в разной степени и выполняет разные функции. Так, в первом случае русалка создает ассо-

циативное поле равнодушия, губительности. А во втором – соблазна, грехопадения, соращения. Эти ассоциации формируют чеховский подтекст, позволяют на небольшом пространстве рассказа высказать мысль, далеко выходящую за рамки социальной проблематики, переводящую ее в экзистенциальный план.

### Литература

Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: автореф. дис.... д-ра. филол. наук. М., 2001. 50 с.

Виноградова Л.Н. Что мы знаем о русалках? // Живая старина. 1994. № 4. С. 28–29.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественно смертию и русалки. М.: «Индрик», 1995. 432 с.

Ларионова М.Ч. Рассказ А.П. Чехова «Ионыч» в свете русской традиционной культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. Отделение историко-филологических наук РАН. Москва–Магнитогорск–Новосибирск. № 4 (30). 2010. С. 248–256.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. 176 с.

Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 томах. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. 598 с.

### References

Larionova M.Ch. Rasskaz A.P. Chehova «Ionych» v svete russkoi tradicionnoi kul'tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN. Moskva–Magnitogorsk–Novosibirsk, 2010, no. 4 (30), pp. 248-256. (In Russian).

Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila*. Moscow, Kniga, 1989. 176 p. (In Russian).

Pushkin A.S. *Sobr. soch. v 10 tomakh*. T. 4. Moscow, GIKhL, 1960. 598 p. (In Russian).

Vinogradova L.N. *Slavyanskaya narodnaya demonologiya: problemy sravnitel'nogo izucheniya*: avtoref. dis.... d-ra filol. nauk. Moscow, 2001. 50 p. (In Russian).

Vinogradova L.N. Chto my znaem o rusalkakh? *Zhivaya starina*, 1994, no. 4, pp. 28-29. (In Russian).

Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki*. Moscow, «Indrik», 1995. 432 p. (In Russian).

**Anna A. Zubanova, Marina Ch. Larionova** (Rostov-on-Don, Russian Federation)

### «Mermaids» Theme in A. P. Chekhov's Short Stories «Trouble» and «Nervous Breakdown»

Short stories «Trouble» and «Nervous Breakdown» have social and psychological issues. However, as it often happens in A.P. Chekhov's works, it is realized with the involvement of a folk culture language with which it creates the basis for its national identity. A folklore image of a mermaid and concepts related to it have an important role in these realistic short stories. The image, being constructive in both cases, appears in different forms and performs different functions. In the first case, the mermaid creates an associated field of indifference, devastation. In the second – temptation, fall, seduction.

---

**Key words:** *Chekhov, folk culture, mermaid, «Trouble», «Nervous Breakdown».*

**Anna A. Zubanova** – specialist in educational and methodical work in the department for the preparation of scientific and scientific-pedagogical personnel of the Department of Scientific Policy and the Organization of Scientific Research, Rostov State Medical University. Phone: +7-988-899-09-43; e-mail: kuzenka97@list.ru

**Marina Ch. Larionova** – grand Ph.D. of Philology, head of Philology laboratory. Federal Research Center the Southern Scientific Center of Russian Academy of Science. Phone: +7 903 439 86 71, e-mail: larionova@ssc-ras.ru